ИНТЕНСИФИКАТОРЫ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Семак Дарья Сергеевна
Магистрант ГГУ им. Ф. Скорины, Беларусь, г. Гомель
E-mail: darja.semak@yandex.by

Научный руководитель: **Сажина Елена Владимировна**
канд. филол. наук, доцент.
Кафедра теории и практики английского языка,
ГГУ им. Ф. Скорины, Беларусь, г. Гомель

Публицистический дискурс можно по праву назвать одним из самых динамичных, активных, часто меняющихся типов дискурса. Эти характеристики объясняются тем, что этот тип дискурса тесно связан с событиями и явлениями, происходящими в обществе. Журналисты интерпретируют новости, инициируют обсуждение социальных, политических проблем, оценивают различные тенденции и процессы в обществе, делая это, непосредственно, через воздействие на читателя и убеждение его в правильности предлагаемой оценки. С этой целью используется большой арсенал разнообразных языковых средств, к числу которых относятся те, которые имеют экспрессивную нагрузку.

Экспрессивность относится к числу лингвистических свойств публицистического текста, которые помогают поддерживать коммуникацию между адресатом и адресантом, тем самым делая такой дискурс социально обусловленным. Без неё (экспрессивности), как утверждает В.А. Маслова «нет функционирующего текста, он мертв и оживает лишь столкнувшись с воспринимающим его реципиентом» [1, с. 332].

В рамках данной статьи мы сопоставим грамматические способы выражения такого средства экспрессивной выразительности, как интенсивность. Необходимо пояснить, для нас, в отличие от ряда исследователей, понятия экспрессивность и интенсивность не относятся к двум самостоятельным категориям. Мы поддерживаем позицию И.И. Туранского, по мнению которого, «интенсивность — мера той или иной силы, мера экспрессивности, её степень» [2, с. 225]. Таким образом, интенсивность является характеристикой экспрессивности, помогающей достичь общего прагматического эффекта, т.е. усиленного воздействия на реципиента.

С целью получения объективных результатов для анализа мы использовали статьи изданий «СБ. Беларусь сегодня» и «The Guardian», относящихся к официальной прессе. Период март – апрель 2020 г. был выбран нами как насыщенный событиями, многие из которых можно характеризовать как негативные. Следовательно, публицистика данного времени будет характеризоваться значительным количеством лексики, передающей негативные эмоции, что является актуальным для нашего исследования.

Всего в анализируемых 130 русскоязычных контекстах мы обнаружили 15 случаев использования интенсификаторов негативных эмоций. Мы установили, что в русскоязычной прессе

они могут быть выражены следующими частями речи:

1) наречиями (11):

(СБ, 14.03.2020).

—

(СБ, 16.03.2020).

(СБ, 17.03.2020).

(СБ, 13.03.2020).

(СБ, 16.03.2020).

(СБ, 17.03.2020).

–

(СБ, 16.03.2020).

2) местоимением (1):

– :

(СБ, 17.03.2020).

3) существительным (1):

– (СБ, 16.03.2020).

4) прилагательным (1):

(СБ, 13.03.2020).

5) частицей (1):

(СБ, 13.03.2020).

Таким образом, чаще всего интенсификаторы выражены наречиями (всего 11 случаев). Также встречаются случаи, когда семантика эмотивной единицы усиливается за счет присоединения местоимения, существительного, прилагательного, частицы. Все интенсификаторы помогают авторам материалов выразить эмоции более ярко, подчеркнуть их интенсивность, насыщенность.

В английском языке эмотивные лексемы также часто используются в сопровождении интенсификаторов. Всего в 120 анализируемых англоязычных контекстах мы обнаружили 15 случаев использования интенсификаторов, выраженных следующими частями речи:

1) наречиями (8):

«много, очень»:

(The Guardian, 19.04.2020). – Даже кризисы ВИЧ/СПИДа и туберкулеза 1980-х и 1990-х годов не вызвали такой истерии и такого ужаса.

«так, настолько»:

(The Guardian, 20.04.2020). – Но именно из-за уязвимости, которая делает настоящее таким болезненным, некоторые дискуссии нельзя откладывать.

2) прилагательными, в том числе в форме степени сравнения (5):

«самый большой»:

(The Guardian, 21.04.2020). – На самом деле, Covid-19 является самой большой катастрофой для развивающихся стран в нашей жизни.

«полный»:

(The Guardian, 20.04.2020). – И даже когда Италия пережила полный ужас — несмотря на то, что была лучше подготовлена, с большим количеством коек и большим количеством отделений интенсивной терапии — ну, это была просто Италия.

– «высокий»:

(The Guardian, 19.04.2020). – Но в наши дни супермаркеты – это места повышенного стресса, физически пустые, но эмоционально трещащие по швам.

«такой»:

(The Guardian, 06.04.2020). – У американских геев была такая низкая самооценка, что они (мы) не думали, что у нас есть право на общественное беспокойство.

– «наихудший»:

(The Guardian, 20.04.2020). – Разоблачения в «Сандей Таймс» подтверждают все наши худшие опасения: премьер-министр вел себя с коронавирусом крайне благодушно.

3) частицами (1):

– «ещё»:

(The Guardian, 21.04.2020). – Коронавирусный кризис, вместо того чтобы принести какую-то расплату за уклонение от уплаты налогов, просто делает самых крупных преступников еще более бесстыдными.

В данной примере усиление передаётся с помощью двух интенсификаторов. Помимо частицы , для образования степени сравнения прилагательного используется частица .

4) количественными местоимениями (1):

– «много, очень»:

(The Guardian, 19.04.2020). – Даже кризисы ВИЧ/СПИДа и туберкулеза 1980-х и 1990-х годов не вызвали такой истерии и такого ужаса.

Как можно заметить, в английском языке интенсификаторы используются с той же целью, что и в русском языке: для усиления семантики эмотивных единиц, для того, чтобы выразить негативные эмоции ярче, более интенсивно. Число их в обоих дискурсах совпало (15 случаев). Однако в английском языке они выражены уже — наречиями, прилагательными, частицами, количественными местоимениями, в русском языке – еще существительными, местоимениями. В обоих языках наиболее частотны в функции интенсификаторов наречия.

Список литературы

1. Щербань, Г. Е. Способы передачи эмоционально-экспрессивных смыслов в языке и современные подходы к пониманию экспрессии / Г. Е. Щербань // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2013. — № 4. — С. 330–334.
2. Егорова, В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании / В. Н. Егорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 6 (2). — С. 224–226.